

Синь Юэ только появился в большой гостиной, как та компания мажоров переглянулась.

Как только он опустился на диван, катившаяся по стеклянному журнальному столику стеклянная бутылка замерла, и её горлышко угодило прямо на него.

Лу Динхао переглянулся с остальными, а затем обратился к Синь Юэ:

— Синь-гэ, правда или действие? Выбирай.

Они что, решили заставить его врасплох?

Синь Юэ произнес:

— Я ведь не говорил, что буду участвовать в игре. Этот раунд не считается.

Мажоры тут же подняли шум:

— Эй, Синь-гэ, между прочим, ты же человек, которого привел наш Оу-гэ. Ты так отпираешься
— это ты не хочешь уважить нас или не хочешь уважить нашего Оу-гэ?

Оу Цзимин тоже вовремя подал голос:

— Точно. Разве ты раньше не бил себя в грудь со словами, что сделаешь три вещи, чтобы угодить мне? Не ожидал, что теперь ты даже в игру играть отказываешься.

Синь Юэ прекрасно понимал: они всё давно подстроили и просто хотят выставить его на посмеище. Если бы он выбрал действие, Оу Цзимин вполне мог придумать что-нибудь вроде требования пробежать голышом три круга вокруг них.

Он слегка улыбнулся и сказал:

— Раз уж так, то я сыграю.

Оу Цзимин произнес:

— В твоём сердце спрятано столько секретиков, наверняка выберешь действие.

Но Синь Юэ ответил:

— Я выбираю правду.

Услышав это, Оу Цзимин с бесстрастным видом взглянул на Лу Динхао.

Они подготовились заранее, и Лу Динхао с ходу задал вопрос:

— Синь-гэ, в каком возрасте у тебя был первый раз?

Синь Юэ опешил — он никак не ожидал, что они с порога зададут такой вопрос. Разве он мог заявить этой компании молодежи, что в свои тридцать с хвостиком до сих пор девственник!

Видя, что он медлит с ответом, Лу Динхао полушутя протянул:

— Только не говори, что в выпускном классе.

Этот вопрос ему намеренно велел задать Оу Цзимин.

Потому что в тот год, когда он случайно застал Синь Юэ в общежитии перед фотографией двоюродного брата... был как раз их выпускной год в старшей школе.

Услышав слова Лу Динхао, Синь Юэ снова замер.

Первый семестр выпускного класса был для него временем невероятной уязвимости, а еще тогда он в последний раз занимался мастурбацией — с тех пор он больше никогда не мог...

Синь Юэ натянуто усмехнулся:

— В наше время все было куда проще, совсем не так, как у вас сейчас. В старшей школе все мысли были только об учебе, когда тут думать о таком. Мой первый раз... был в двадцать два года.

В двадцать два года он впервые пошел к врачу из-за неспособности достичь эрекции.

Лу Динхао расхохотался:

— Ха-ха-ха, не думал, что ты, Синь-гэ, такой невинный. Расстался с девственностью только в двадцать два, я даже не знаю, то ли восхищаться тобой, то ли...

Синь Юэ сухо усмехнулся и больше ничего не сказал.

Лу Динхао начал новый раунд, и на этот раз горлышко бутылки снова указало на Синь Юэ.

Лу Динхао воскликнул:

— Синь Юэ, ну и везет же тебе, опять ты!

На лице Синь Юэ играла мягкая улыбка, но в душе он прекрасно всё понимал: неужели они думают провести его такими дешевыми трюками!

Синь Юэ держался спокойно и непринужденно:

— Какой вопрос? Спрашивай прямо.

Лу Динхао уже собирался открыть рот, но Оу Цзимин перебил его.

Оу Цзимин произнес:

— Я хочу спросить: твой первый раз был с мужчиной или с женщиной?

Все присутствующие мгновенно умолкли и уставились на Синь Юэ.

Синь Юэ ответил:

— С мужчиной.

Оу Цзимин, какие у тебя еще вопросы? Валяй, выкладывай.

И снова бутылка указала на Синь Юэ.

Оу Цзимин спросил его:

— Совершал ли ты в своей жизни какие-нибудь подлости?

Тон был вовсе не вопросительным — он звучал так, будто Оу Цзимин утверждал как факт, что Синь Юэ определенно творил мерзости.

Синь Юэ твердо и спокойно ответил:

— Нет.

Однако ему становилось все труднее понять, к чему клонит Оу Цзимин. Вопросы этого вечера объяснялись вовсе не просто обидой из-за того, что он порезвился с ним в лифте.

Напротив, поведение Оу Цзими́на наводило Синь Юэ на мысль, будто между ними давным-давно существовала глубокая вражда.

Но в его памяти не было человека по имени Оу Цзимин, даже отдаленно похожего на него лица не припоминалось.

Стоило Синь Юэ ответить «нет», как Оу Цзимин вспыхнул. Его лицо резко помрачнело и стало ужасно неприятным.

Остальные не смели даже вздохнуть полной грудью.

Лу Динхао первым вырвался из этой тяжелой атмосферы и попытался разрядить обстановку:

— Эй, давайте дальше играть, играем дальше, посмотрим, кто следующий.

Он протянул руку к винной бутылке.

Но Синь Юэ накрыл ее рукой вместе с бутылкой.

Лу Динхао уже успел услышать от Оу Цзими́на характеристику Синь Юэ, и теперь, когда тот схватил его за руку, он мысленно завопил: «Конец! Неужели я ему приглянулся?»

Однако Синь Юэ просто забрал бутылку из его руки:

— Малыш Лу так долго старался, позвольте мне разок послужить всем вам.

Лу Динхао не успел и возразить, как изящные пальцы Синь Юэ раскрутили бутылку.

Взгляды всех присутствующих приковались к ней — на ком же она остановится в итоге?

Без всяких сомнений, горлышко указало на Оу Цзими́на.

Синь Юэ с извиняющимся видом произнес:

— Прошу прощения, в первом же раунде выпал ты.

Ясно же, что нарочно! К чему этот цирк?

Оу Цзимин хмыкнул:

— Спрашивай что хочешь. Я отвечу на всё без утайки, совсем не так, как некоторые, кто не смеет говорить правду и выдумывает лишь высокопарную ложь, чтобы всех обмануть.

Синь Юэ повел себя так, будто вовсе не заметил недовольства Оу Цзими́на, и спросил:

— Оу Цзимин, не считая того неприятного инцидента в офисном лифте, интересно, чем еще я умудрился задеть тебя и вызвать столь глубокую предвзятость?

Вопрос Синь Юэ можно было назвать метким ударом в самую точку.

Оу Цзимин никак не ожидал, что тот задаст этот вопрос с такой невозмутимостью. В конце концов, это ведь он сам первым пошел на попятную и попросил омирения, а открыто предъявлять претензии — явно не то положение, в котором должен находиться Синь Юэ.

Заметив промелькнувший на лице Оу Цзими́на гнев и отсутствие ответа, Синь Юэ не удержался и снова надавил:

— Почему всё-таки?

Друзья Оу Цзими́на, заметив неладное, тут же вмешались, пытаясь сгладить углы и замять дело.

Но Оу Цзимин в этот момент произнес:

— Я-то думал, у тебя есть хоть капля самосознания.

Он откинулся на спинку дивана, лениво закурил сигарету, выпустил струю белого дыма и только после этого продолжил:

— Я действительно не перевариваю тебя. От всей твоей фальши меня просто выворачивает наизнанку.

Синь Юэ легко усмехнулся:

— Если смотреть с твоей колокольни, так во всем виноват исключительно я.

Сделав паузу, он добавил:

— Но молодой господин Оу, тебе ведь почти двадцать пять, ты уже взрослый человек. Рано или поздно тебе придется влиться в это фальшивое общество и постепенно самому стать фальшивым.

Оу Цзимин взвился:

— Выходит, это я еще перед тобой виноват!

Синь Юэ ответил:

— Я не требую, чтобы ты передо мной извинялся.

— Синь Юэ! — Оу Цзимин внезапно в бешенстве вскочил с дивана. — Чертов ублюдок, не нарывайся! Кто утром умолял омирить нас? Не забывай о своем нынешнем положении — злить меня тебе ни к чему.

<http://bllate.org/book/20981/2129925>